

Моск. камсанопись - 1992 - 23 ин.

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С НОСА

РОВНО восемьдесят лет назад на Дорогомиловской улице в семье учителя русского языка появился на свет обыкновенный мальчик, и только длинный нос выдавал в нем будущего великого режисера. Смолodu Борису Покровскому везло: в двадцать лет решив, что станет режиссером, причем непременно оперным, он уже в двадцать восемь возглавляет театр (эпоха геронтократов еще не наступила), а в тридцать один его приглашают в Большой, где он вскоре встречается с Сергеем Прокофьевым и, вместе с выдающимся дирижером Самосудом, принимает участие в работе над «Войной и миром».

поставленной, правда, значительно позже. Впрочем, встреч у него было предостаточно, в том числе — еще в студенческие годы — со Станиславским и Мейерхольдом. В дальнейшем ему удастся в лучший своих постановках синтезировать их опыт, повторив при этом иные коллизии творческой судьбы.

Подобно Станиславскому, Покровский познал прижизненную канонизацию, примерил на себя роль оракула, создателя «единственно правильной» теории. Подобно Мейерхольду, ему пришлось пережить низвержение с Олимпа, полузапрет своих спектаклей, в одночасье исчезнувших с подмостков Большого вслед за их создателем. К счастью, времена уже были не те: Покровского «реабilitировали» при жизни, и он с триумфом вернулся в Большой. Но и в тот тяжкий период у него оставалось прибежище: Камерный театр.

Роль этого последнего, впрочем, не стоит преувеличивать, а уж тем более — отождествлять Покровского с ним, как то делают иные издания, чьими стараниями восьмидесятилетие мастера и двадцатилетие его «дитяти» словно слились воедино. Конечно, соблазнительно простым сложением — $80+20=100$ — превратить две полукруглых даты в самую что ни на есть круглую. И все же сие есть, как говорят в Одессе, две большие разницы.

Сколь бы драматично ни складывались порой их отношения, имя Покровского вписано в историю Большого золотыми буквами. И главные свершения режиссера связаны прежде всего с Большим, где ему удалось если и не сокрушить, то изрядно потеснить помпезный имперский стиль, безраздельно господствовавший в сих стенах. Именно здесь родилась большая часть его режиссерских шедевров, среди которых особое место принадлежит операм Сергея Прокофьева. А Камерный? Проведем два простейших арифметических действия. Первое: Покровский минус Камерный. Что останется? Покровский. Второе: Камерный минус Покровский. Останется... подвал. Место этого театра в истории искусств обусловлено тем, что его основал, в нем работал Покровский, поставивший здесь такие блистательные спектакли, как «Нос», «Похождения повесы», «Ростовское действо» и некоторые другие. При этом в творческой биографии самого Покровского Камерный театр примерно то же, чем была, к примеру, для Станиславского одна из его студий.

...Мы часто сетуем, что наш оперный театр на годы, если не десятилетия, отстаёт от мирового. Между тем, лучшие спектакли Покровского (да хотя бы один только «Игрок») несомненно во многом опередили и предвосхитили развитие не только отечественного, но в чем-то даже и мирового оперного театра. Думаю, Борис Александрович нас еще не раз удивит и порадует, возможно в чем-то и разочарует, а кого-то и возмутит. Что ж, не все, что он делает, — бесспорно, а случаются и откровенные неудачи (последний пример — новая постановка «Онегина» в Большом). Впрочем, и в них всегда есть что-то интересное, неординарное, живое. Словом, пока среди нас есть Покровский, дела отечественной оперы не столь плохи, как это порой утверждают.

ДМИТРИЙ МОРОЗОВ